

М.О. ОРЛОВ

**КОЛЛАПС ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
В ЭКСПЕРТНЫХ СУЖДЕНИЯХ ЖАНА БОДРИЙАРА:
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

*Публикация выполнена при поддержке гранта Президента РФ №МД-190.2017.6
Российского фонда фундаментальных исследований по проекту №15-33-12009*

Основной тезис, характеризующий творчество Бодрийяра, сводится к тому, что западная цивилизация на протяжении последнего столетия совершила целый ряд решительных шагов к тому, чтобы достигнуть высочайшей степени совершенства и освободиться от факторов, которые могли бы этому воспрепятствовать. Согласно Бодрийяру, в этих целях «система» начинает вытеснять за свои пределы бедность, болезни, смерть, делая неуместными и неприемлемыми все те вещи, которые как бы говорят о суровой правде жизни. Первоначальная реальность всё более и более отступает перед «гиперреальностью», а западная цивилизация становится «гиперцивилизацией». Происходит подмена «природной» реальности более привлекательными формами реальности, изначальный смысл вещей исчезает под напором симулятивных моделей. С возвышением буржуазии как доминирующего класса начинается эра экспертотократии и эра симулякров.

Ключевые слова: история Западной философии, философия Жана Бодрийяра, антропологический кризис, экспертотократия, общество потребления

Орлов Михаил Олегович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский научно-исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. E-mail: orok-saratov@mail.ru

M.O. ORLOV

**COLLAPSE OF THE WESTERN CIVILIZATION
IN THE EXPERT JUDGMENTS OF JEAN BODRILLAR:
HISTORICO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS**

The main thesis characterizing Baudrillard's creativity comes down to the fact that the western civilization throughout last century made a number of decisive steps in order to reach the highest degree of perfection and to be exempted from factors which could prevent it. According to Baudrillard, for this purpose the "system" begins to push out poverty, diseases, death, labeling all those things which reveal the harsh realities of life as inappropriate and unacceptable. The initial reality more and more recedes facing "hyper-reality", and the western civilization becomes "hyper-civilization". There is a substitution of "natural" reality by more attractive forms of reality; the initial sense of things disappears under the pressure of colorable models. With the bourgeoisie eminence as the dominating class, the era of expertocracy and simulacra begins.

Keywords: history of the Western philosophy, Jean Baudrillard's philosophy, anthropological crisis, expertocracy, consumer society

Michail O. Orlov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, professor at the Department of Theology and Religious, Saratov National Research State University n.a. N.G. Chernyshevsky. E-mail: orok-saratov@mail.ru

По мере увеличения дистанции между Модерном и его критическим осмыслением стала проявляться концепция постмодерна, то есть такой цивилизации, которая должно прийти на смену обществу Модерна. Как Модерн был опровержением Премодерна, но в чём-то и его продолжением, так и Постмодерн стал концептуально осознаваться как ниспровержение основных принципов и, казалось бы, «аксиом» Модерна, но также в чём-то и его продолжением.

Первые теории постмодерна стали складываться в конце 60-х годов, а к 80-м

годам они начинают преобладать в философском, культурологическом и отчасти социологическом дискурсе. Но здесь надо учитывать важное обстоятельство: базовая эпистема в обществах конца XX – начала XXI века остаётся «современной» (в социологическом смысле), то есть по инерции относится к модерну, а сознание интеллектуальной элиты уже видит себя после «конца истории» в другой, следующей эпохе – постмодерне. Это говорит о том, что мы живём в период перехода от модерна к постмодерну. Часть аксиом Но-

вого времени, в том числе само представление о прогрессе, по инерции сохраняется в массовом сознании, в педагогике, в научно-популярных документах и брошюрах, но в интеллектуальной и научной среде, в элите полным ходом идёт смена ориентаций и концептуальных позиций.

Одним из теоретиков постмодерна является Жан Бодрийяр. Возможно, решительнее, чем кто бы то ни было, он разделял идеи молодёжного движения, которое в эту эпоху начало оспаривать ценности мирного послевоенного общества, получившего название общества потребления. Его критический пафос, отчасти близкий к марксизму, выразился в серии сочинений, появившихся сразу после событий 1968 года. В отличие от Фуко, Бодрийяр не пытался осмыслить истоки современной западной цивилизации, скорее, он задался вопросом о её перспективах. В качестве наиболее яркого её анализа он представил крайне впечатляющий отчёт о достижениях этой цивилизации, вылившийся в популярную теперь концепцию симуляции. Вопрос о перспективах социума в рамках этой концепции является первостепенным и, как для многих французских мыслителей, он возникает перед Бодрийяром всякий раз, когда дело касается антропологической проблематики.

Постоянным объектом анализа Жана Бодрийяра являются культурные законы современной западной цивилизации, которая трактуется им как особый тип общественной системы, достигшей высшего совершенства. Фундаментальной особенностью этой цивилизации является всё время усилившийся процесс симуляции, то есть освобождение знаков от своих референтов, который берёт своё начало с момента распада архаического социального порядка с присущим ему символическим обменом.

Современная цивилизация в качестве гиперцивилизации утрачивает всякую связь с реальностью. Следует оговориться, что та реальность, в которой существует гиперцивилизация, настолько различна с первичной реальностью досимулятивной эры, что её по праву можно назвать гиперреальностью, реальностью, которая сама по себе является надстройкой над реальностью. При этом на каждом очередном витке симуляции происходит глобальное перекодирование всей системы вещей (объектов), которая образует её объектное основание. Бодрийяр в своих работах выделял четыре витка симуляции, исторически совпадающих с возвышением власти буржуазии в Новое время, промышленной революцией, формированием общества

потребления и информационным взрывом конца XX – начала XXI века.

Что происходит с человеком в рамках нового порядка? В контексте современных гуманистических представлений слово «человек» приобрело статус универсального понятия. В результате этого определение Человека неумолимо сужается: каждый «объективный» шаг на пути к универсальности соответствует ещё более строгой дискриминации, новому витку отделения людей от нелюдей. Можно предположить, что на этапе окончательной универсализации Человека от этого понятия окажутся отделёнными все реальные люди, а Человек останется существовать только как чистый концепт. Кроме того, человека всё более поглощает симулятивная логика развития цивилизации, что лишает прежнего образа и даёт взамен лишь симулятивные модели. Сначала происходит «освобождение» человека от уз традиционной зависимости (рабство, феодальная зависимость), а затем происходит и «освобождение» человека от «человеческого» [2, с. 134]. Такое «освобождение» можно проиллюстрировать рядом примеров.

Одним из наиболее эффектных примеров этой тенденции является ситуация с человеческой телесностью. Тело долгое время подлежало вытеснению, оно было «негативной ценностью» и располагалось под знаком репрессии. Действовал суровый «пуританский закон Отца», который, главным образом, распространялся на генитальную сексуальность. Либерализм, гуманизм, сексуальная революция «раскрепостили» человека, эмансипировали его тело. Но «открытия» тела или его «новообретения» не произошло. По Бодрийяру, случилась лишь «логическая метаморфоза», в результате которой телесность стала подлежать ведению уже не «символической экономики», но «политической экономики». Подобно всем прочим объектам, которые в результате промышленной революции упростились до уровня одной единственной закреплённой за ними функции [4, с. 30], точно также и тело человека оказалось «нейтрализовано» одной единственной функцией. Сточки зрения Бодрийяра, этой функцией оказывается пол. Так, например, «раскрепощение» труда означало превращение человека в рабочую силу, а его тела в робота. «Раскрепощение» же тела и пола превращает человека в своего рода машину сексуальных функций, где пол и тело взаимно нейтрализуют друг друга.

Другим верным признаком изменения статуса человека является деформация

субъект-объектных отношений. Символом нового порядка становится экран (в том числе, монитор компьютера), который заменяет сцену, присущую прежнему цивилизационному порядку. С наступлением информационного взрыва исчезает всякая система объектов, которой бы соответствовал субъект. Если ранее субъект доминировал над объектом, наделяя их смысловой составляющей посредством своих желаний, представлений и пр., то в эру симуляции объект доминирует над субъектом. Вместе с этим исчезает фаустовский (протеевский, эдиповский) тип производства и потребления и приходит протеевская эра коммуникации. Субъект как таковой оказывается возможным лишь как особого рода конструкт, сформированный при помощи объекта. Это видно на примере «умных» японских автомобилей, начинённых электронной аппаратурой, с помощью которой происходит непрерывное тестирование водителя на предмет оценки его способности к управлению автомобилем.

Ещё одним примером из области состояния современной западной цивилизации является трансэкономика, появившаяся на смену экономике и связанной с ней классической политической экономии. Трансэкономику характеризует распад структуры стоимости, дестабилизация рынка и реальной экономики, триумф экономики, освободившейся от экономических законов (закона стоимости, законов рынка, производства, прибавочной стоимости, капитала) и представленной чистой спекуляцией. Как и другие трансфеномены, трансэкономика становится эпифеноменом симулятивной цивилизации, побеждённым своим собственным подобием и высшей логикой.

Это исчезновение потребительской логики является для Бодрийяра свидетельством исчезновения психологического в общем порядке культуры. Но когда нет психологического (фантазий, желаний и пр.), тогда уже нет и субъекта, которого отныне можно уподобить разве лишь астронавту, вращающемуся на околоземной орбите и наблюдающему свою планету на мониторах.

Эффект телеэкрана сказывается и на устройстве человеческого жилища. Прежний домашний интерьер исчезает, становясь лишь бесполезным дополнением к доминирующему над всеми прочими вещами монитору телевизора или компьютера. Аналогичная участь постигает и человеческое тело, которое всё больше энцефализируется, то есть превращается в голову (мозг), связанный с монитором, прежде всего телефона. То же самое Бодрийяр го-

ворит о деревенском ландшафте, времени, частных и публичных пространствах.

Конец прежнего культурного порядка трактуется, как завершение всякой вообще сцены, спектакля, зеркала, рефлексии. На смену ему приходит новый порядок, характеризуемый, как эра обесцененного, непристойного, порнографического. Особую грань такой непристойности составляет тотальное отсутствие скрытого. Для сетевого общества очевидно, что определённая часть человеческой жизни должна оставаться личной тайной и не может быть внесена в публичное пространство. В эпоху симуляции желобая вещь, любая мелочь становится достоянием социальных сетей, персональных блогов и, как итог, глобальных средств массовой информации. Согласно исследованиям творчества Бодрийяра, прежняя горячая вселенная заменяется холодным универсумом [5, с. 18].

Антропологическая перспектива развития человечества может быть осмыслена в патологических терминах. Анализируя дефиницию Бодрийяра между истерией, паранойей и шизофренией, можно отметить, что истерия и паранойя исчезают, а шизофрения становится основной болезнью современного человечества. Но такой шизофренический индивид вовсе не далёк от реальности. Наоборот, мир вещей, объектов слишком близок к нему, мир пронзает его насквозь, истребляя последние остатки субъективного. Состояние современной западной цивилизации характеризуется полным и окончательным исполнением всех революционных планов, реализацией всех утопий, тотальным освобождением всего и вся.

К нынешнему состоянию культуры применима, например, логика физики элементарных частиц. Все ценности подвергаются дроблению (распаду), торжествует принцип неопределённости. Для начальной стадии ценности были характерны естественные законы, для рыночной ценности – средствами обмена, для структурной стадии – стали символами. Нынешняя, фрактальная стадия ценностей стала свободна даже от закона ценности, поскольку ценности распространяются, рассеиваются, не согласуясь ни с какими принципами.

Столь же часто Бодрийяр пользуется и вирусной метафорой, делая акцент на том, что современное общество Запада, достигая системного совершенства, казалось бы, исключаящего любой сбой, становится уязвимо для вирусных патологий, борьба с которыми оказывается уже невозможной. В частности, наиболее яркими приметами времени становятся вирус иммуноде-

фицита человека, компьютерные вирусы, просачивание катастроф в каждую пору социального организма, который утратил свой естественный иммунитет.

Порядок вещей современного сетевого общества характеризуется тремя понятиями: трансэстетика, транссексуальность, трансполитика. Согласно Бодрийяру, когда в обществе разрушается система ценностей, всё пронизывается тотальными сетевыми взаимосвязями, становясь эстетичным, сексуальным, политическим. Иными словами, прежние эстетика, сексуальность и политика виртуализируются и становятся элементами кибер-сети.

Судьба искусства в современном мире связана с полным осуществлением эстетической утопии. Искусство более не возвышается в качестве идеальной формы жизни, а растворяется в общей эстетизации повседневности виртуального пространства. Критическим событием в искусстве, по Бодрийяру, оказались дадаизм, а также творчество Дюшана и Энди Уорхолла. Благодаря социальным сетям, рекламе и масс-медиа любая вещь обретает эстетический образ, расширяется неконтролируемое производство эстетического. Это и означает конец эстетики с её правилами игры и начало сетевой трансэстетики.

В современном мире полное освобождение сексуальности приводит к появлению транссексуальности, понимаемой не просто в анатомическом, но в общекультурном смысле. Происходит безучастный кругооборот символов секса, а тело больше не связано с полом как своей судьбой, но становится протезом, клоном, безразличным к половой идентичности. Примерами здесь становятся Чичиолина, Мадонна, Майкл Джексон, Кончита, выступающие как искусственные персонажи из грядущего мира мутантов.

Такая трансформация человечности тянет за собой и деформацию цивилизации в целом. Так, трансполитика рождается из полного краха политического. Но этот крах происходит не по сценарию революционной теории, когда государство должно умереть, оставив торжествовать социальное. Политическое исчезает вместе с социальным, поскольку масс-медиа превращает предназначенные некогда для политики публичные пространства в пустыню. Государство теряет свою социальную сущность, теряет способность разумно управлять социальными отношениями и вынуждено бесконечно изображать политику, которой присущи безразличие к населению и отсутствие эмоций.

Сетевое общество «облучено» вирусом зла, который проявляется в форме раз-

личных катастрофических («судьбоносных») событий. В сфере трансполитики это терроризм, в патологии СПИД и рак, в сексуальной и этической сферах транссексуализм и транссестизм. Происходит распад политических, генетических и сексуальных кодов, поскольку в самом сердце системы пребывает фатальность, отменяющая, между прочим, прежнюю случайность. При этом у фатальности есть своё очарование. Техническое развитие цивилизации, которое должно стать залогом процветания, приводит к прямо противоположным последствиям. Например, переизбыток оружия, который является следствием роста производственных мощностей, ведёт к резкому возрастанию локальных военных конфликтов, что мы наблюдаем в начале XXI века.

Размножение этих вирусных феноменов обусловлено верховенством императива прозрачности в современном мире. Всё, включая человека, пронзается светом, тени стираются. Всякому феномену – телу, труду, терроризму, сексу – придаётся операциональная белизна, то есть всё включается в работу, вводится в состояние ясного и исчислимого функционирования. Подобно тому, как, благодаря рекламе, формируются искусственные стоимости и желания, так, благодаря принципу прозрачности, формируются искусственные типы познания, наслаждения и речи. Все наши категории вошли в эру неестественного [3, с. 90].

Рост искусственной реальности просматривается в тенденции умножения числа «умных» машин и, прежде всего, искусственного интеллекта. Антропологическим следствием этой тенденции является гомеостаз (слияние) человека с машиной, а также утрата человеком интереса к собственной самобытности. Социологическим следствием становится конец политики отчуждения. Человек телематический не может быть рабом, так как не имеет собственной воли. Последним качеством, отличающим человека от машины, остаётся наслаждение, которое машины испытывать не способны.

Современное общество, ставшее обществом тотальной профилактики и гигиенической чистоты, подвергается патологиям нового (3-го) типа. Эти уже упомянутые патологии – иммунодефицит человека, рак, терроризм, компьютерные сбои (вирусы), экономический крах – вызваны названной профилактической чистотой, с ними невозможно бороться прежними средствами. Например, медицина бессильна против СПИДа, трактуя его как болезнь. Напротив, она сама его поддер-

живает, разрушая естественный иммунитет человека всё новыми лекарствами. Все эти патологии или экстремальные явления можно считать предохранительным клапаном от абсолютной катастрофы. Например, вирус иммунодефицита человека – защита от сексуальной скученности, наркотики – защита от умственного отупления, терроризм – от эпидемии политического согласия. Причина происхождения этих экстремальных явлений – исчезновение другого, конец Изменений, отказ от Различий.

В обществе избытка, в условиях перенасыщенности информацией единственной стратегией спасения может стать отторжение. Это и обеспечивает, по Бодрийяру, размножение аллергических реакций. Естественным средством самоочищения также становится смех.

Свидетельством неспособности противостоять фатальности Зла выступает идеология Прав человека и экологическая теория современного общества. Согласно Бодрийяру, Запад, отказавшись от манифестации зла (проклятий, смерти, казней, фанатизма, преступлений, ошибок и т.п.), становится беззащитным перед вирусными формами зла. При этом идеология Прав человека уже не имеет смысла, так как человек больше не является объектом права (раз уже провозглашено полное недопущение нищеты и преступности, перестают репрессироваться безумцы и т.д.). Человек становится тактиком и хозяином своего собственного существования.

Бодрийяр считает, что современному Западу не грозит энергетический кризис, так как энергия во всех её формах всё время освобождается и возрастает – даже из самой траты энергии. Это говорит в пользу новой тенденции не кризисной, а катастрофической. Чем больше в системе негативного, тем больше в ней кризиса и критики, и, наоборот, чем больше позитивного, тем больше катастроф. На основе этого положения формулируется теорема о проклятой стороне вещей: всё, что извергает из себя проклятую сторону своей сути, подписывает себе смертный приговор.

Судьба субъекта в современном мире определяется отсутствием Другого. Исчез даже Двойник, для которого требовалось Зеркало. В перспективе широко понимаемой практики клонирования субъект, по Бодрийяру, становится клоном самого себя, то есть может воспроизводить свои копии до бесконечности. Результатом этого становится завершение истории тела, истории различий. Онтологи-

чески субъект теперь может быть лишь Тем же самым, переживая неопределённость своего положения и неопределённость ситуации Другого.

Современная культура Запада, уничтожив Другого и Различия, теперь активно занята их изобретением. Сложилась целая рыночная экономика со спросом на Различия (то есть психологический и культурный спрос на индивидуальность). В отличие от Запада все остальные культуры не интересовались Различиями, но знали лишь Радикальное Отличие. Так, для индейцев мир делился на две части, одну из которых занимают «люди», то есть они сами, а другую «боги», «нелюди», к числу которых они относили и белых колонизаторов. Культуры, не принявшие логики Различий, вымерли или вымрут в скором будущем, но и Западу, грозит та же участь, ведь его стремление навязать всем свои правила и свою, логику Различий, то есть волю к универсализации, ведёт его к идейному разброду собственной культуры, к тому, что можно назвать утратой культурной идентичности [1].

Пессимистический пафос Бодрийяра в отношении будущего западной цивилизации, когда уже никакой апокалипсис невозможен, когда всякий «конец истории» отменяется, поскольку, в свою очередь, оказывается бесконечным, является следствием трансформации человека как такового. Так, тело всё более превращается в трансцендентальное означаемое, которому непрестанно присваиваются самые невероятные значения. Но при этом и само переобозначаемое тело существует, по большей степени, в роли знака, способного вступать в отношение с чем угодно. Оторванность концепта человека от самих людей амбивалентно связано с оторванностью симулятивной гиперреальности от реальности как таковой. Именно это основание является причиной торжества социальных сетей.

Список литературы

1. Орлов М.О. Дискурсивное управление социальной динамикой глобальных процессов: социально-политическая сфера // Известия Саратовского университета. – Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2009. – Т. 9, № 1. – С. 34-40.
2. Baudrillard J. L'Echange symbolique et la mort. – Gallimard, 1976. – 347 p.
3. Baudrillard J. La transparence du mal: essai sur les phénomènes extrêmes / J. Baudrillard Galilée, 1990. – 179 p.
4. Cormack P. Sociology and mass culture: Dyrkheim, Mill, and Baudrillard. – Toronto: Univ. of Toronto press Cop., 2002. – 144 p.
5. L'Yvonne F. L'Effet Baudrillard, l'illégance d'une pensée. – François Bourin (éd.), 2013. – 96 p.